

Сказка Туве Янссон

" Волшебная зима "

Глава вторая - Заколдованная купальня

По берегу моря, чуть подальше к западу, бестолково скакал туда-сюда по снегу маленький бельчонок. Он был ужасно неразумный и в мыслях своих любил называть себя "бельчком с хорошеньким хвостиком".

А вообще-то он никогда подолгу ни о чем не задумывался. Чаще всего он обходился тем, что чувствовал или ощущал. Вот и сейчас он как раз почувствовал, что матрасик в его дупле стал совсем жесткий, и выскочил из дупла поискать новый.

Время от времени, боясь забыть, что он ищет, бельчонок бормотал про себя слово: "Матрасик..."

Бельчонок был такой забывчивый!

Он прыгал между деревьями, выскакивал на лед, задумываясь, тыкался мордочкой в снег, глядел в небо, потряхивая головкой, и снова прыгал дальше.

В конце концов бельчонок очутился возле пещеры и быстренько шмыгнул туда. Забравшись так далеко, он совершенно забыл про матрасик. Вместо того чтобы раздобыть себе свежую подстилку, он уселся на свой хвостик и начал думать о том, что его, кроме того, вполне могли бы величать "бельчком с хорошенькими усиками".

Глубоко в сугробе, прикрывавшем вход в пещеру, кто-то постелил солому. На соломе стояла большая картонная коробка с отверстием для воздуха в крышке.

"Вот чудно! – удивился бельчонок. – Прежде этой картонки здесь не было. Должно быть, тут какая-то ошибка. А может, это совсем не та пещера? А я, может, тоже не тот самый бельчонок, хотя мне не хотелось бы этому верить".

Он расковырял уголок крышки и просунул голову в картонную коробку.

Внутри, в тепле, лежало что-то очень мягкое и приятное. И бельчонок вспомнил вдруг про свой матрасик. Его мелкие острые зубки прокусили дырку в этом мягком и вытащили из картонки клочок шерсти.

Он вытаскивал один клочок шерсти за другим, у него накопилась уже целая охапка шерсти, а он по-прежнему прилежно работал всеми четырьмя лапками. Бельчонок был очень доволен – у него будет новый матрасик!

И вдруг он почувствовал, что кто-то пытается укунить его лапку. Бельчонок мгновенно отдернул ее и, с минуту поколебавшись, решил не пугаться, а лучше разведать, что там такое.

Мало-помалу из отверстия в крышке показались взъерошенные волосы и злое личико малышки Мю.

– Ты в своем уме?! – воскликнула она.

– Не знаю, – ответил бельчонок.

– Ты разбудил меня, – строго продолжала малышка Мю, – и съел мой спальник. Как это получилось?

Но бельчонок так разволновался, что опять забыл, зачем он это делал.

Малышка Мю фыркнула и совсем вылезла из картонки. Прикрыв крышкой спящую в картонке сестру Мюмлу, она потрогала снег рукой.

– Так вот ты какой! – воскликнула она. – Чего только не придумают!

Она тут же слепила снежок и метко бросила его в бельчонок, после чего вышла из пещеры, чтобы стать полновластной хозяйкой зимы.

Первое, что она сделала, это поскользнулась на обледенелой горке и довольно сильно ударилась.

– Вот как! Вот как оно бывает, – рассердилась она.

Но тут вдруг подумала о том, до чего смешно она, Мю, выглядит с задранными кверху ногами, и долго хохотала. Потом взглянула на горку, немного поразмыслила и, воскликнув "ага!", съехала на хвостике с горки вниз, подсакивая и хохоча и уносясь далеко-далеко по блестящему скользкому льду.

Она скатилась с горки целых шесть раз и только тогда заметила, что у нее замерз животик.

Тогда малышка Мю снова пошла в пещеру и вытащила из картонной коробки свою спящую сестру. Мю наверняка никогда прежде не видела санки, но чутье подсказало ей, что они вполне могут получиться из картонной коробки.

Что же касается бельчонок, то он сидел в лесной чаще и рассеянно поглядывал то на одно дерево, то на другое.

Он не мог, даже если бы пришлось пожертвовать своим хвостиком, вспомнить, в дупле какого дерева он жил и вообще ради чего он прискакал в лес и что там искал.

Муми-тролль еще совсем недалеко ушел от дома, как под деревьями уже начала сгущаться мгла.

С каждым шагом лапы его все глубже увязали в снежных сугробах, а снег уже не казался ему таким занятным, как раньше.

В лесу царил мертвая тишина. Там не видно было ни души. Время от времени с ветвей срывались снежные шапки. Качнувшись на миг, ветви вновь замирали, и в лесу опять становилось безжизненно и тихо.

"Весь мир погрузился в зимнюю спячку, – подумал Муми-тролль. – Один я тут брожу и никак не могу заснуть. Я один буду брести и брести без конца все дни и все недели напролет, пока сам не превращусь в сугроб, о котором никто даже знать не знает".

Но вот лес кончился, и внизу, под ногами Мумитролля, открылась новая долина. По другую сторону он увидел Пустынные горы. Словно волны устремились гребни гор – один за другим – к югу, и никогда еще не казались эти горы такими пустынными.

Только теперь Муми-тролль начал мерзнуть по-настоящему. Вечерняя мгла напознала из ущелья и медленно взбиралась на оцепеневшие от холода гребни гор. Там, наверху, словно острые белые зубы на черной скале, лежал снег. И повсюду, насколько хватал глаз, лишь белое да черное, пустота да одиночество.

"Там, за горами, Снусмумрик, – сказал самому себе Муми-тролль. – Где-то на юге он ест апельсины. Если бы я был уверен, что он знает, как я ради него собираюсь перевалить через горы, я бы решил на такой шаг. А иначе ничего у меня не выйдет".

И, повернувшись, Муми-тролль начал медленно по своим собственным следам двигаться назад.

"Я заведу все часы в доме, – подумал он. – Тогда, быть может, весна придет поскорее. А потом может ведь случиться так, что если я нечаянно разобью какую-нибудь крупную вещь, кто-то проснется".

Но он знал, что никто из семейства не проснется.

Внезапно что-то случилось. Какой-то маленький след пересекал следы Муми-тролля. Некоторое время Муми-тролль тихонько разглядывал чужой след. Кто-то живой осторожно крался по лесу, быть может, всего каких-нибудь полчаса тому назад. И уйти далеко чужак не мог. Он шел по направлению к долине и был, должно быть, меньше самого Муми-тролля. Лапки чужака слегка погружались в снег.

Муми-тролля кинуло в жар.

– Подожди! – кричал он, чувствуя, что весь горит: от кончика хвоста до ушей. – Не уходи от меня!

Хныча и спотыкаясь, побрел Муми-тролль по снежному полю, и внезапно на него нахлынул жуткий страх перед мраком и одиночеством. Страх этот, должно быть, таился где-то с тех самых пор, как Муми-тролль проснулся в спящем доме, но только теперь он дал ему волю.

Муми-тролль больше не кричал, боясь ничего не услышать в ответ. Не отрывая мордочку от следа, который едва виднелся в темноте, и непрестанно всхлипывая, Муми-тролль полз и полз по снегу.

И вдруг он увидел огонек. Совсем маленький, он озарял все вокруг мягким, красноватым светом.

Муми-тролль сразу успокоился и, забыв про следы, медленно пошел на свет. Он шел, пока не добрал до самого огонька и не увидел, что это горит самая обыкновенная стеариновая свеча. Она была глубоко и надежно воткнута в снег, а рядом с ней возвышалась остроконечная крыша домика, сложенная из круглых снежков, прозрачных и красновато-желтоватых, как абажур ночника в доме муми-троллей.

Неподалеку от этой необычной лампы кто-то лежал, глубоко зарывшись в снег, и, глядя в суровое зимнее небо, тихонечко насвистывал.

– Что это за песенка? – спросил Муми-тролль.

– Это песенка обо мне, – ответили из ямки. – Песенка про Туу-тики, которая сложила из снежков снежный фонарь, но в припеве говорится совсем о другом.

– Понятно, – сказал Муми-тролль и сел прямо в снег.

– Ничего тебе не понятно, – дружелюбно произнесла Туу-тики и высунулась из ямки, так что стала видна ее куртка в красно-белую полоску. – Потому что в припеве говорится как раз о том, чего нельзя понять. А я думаю сейчас о северном сиянии. Неизвестно, есть оно на самом деле или это одна видимость. Все очень неопределенно, и это-то меня и успокаивает.

Туу-тики снова нырнула в свою ямку и продолжала глядеть в небо, успевшее за это время стать совсем черным.

Муми-тролль поднял мордочку кверху и увидел северное сияние, которого никогда прежде до него не видел ни один муми-тролль.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Оно было бело-голубым и чуть-чуть зеленоватым и, казалось, обрамляло небо длинными, колыхавшимися на ветру занавесками.

– Я думаю, северное сияние есть на самом деле, – сказал Муми-тролль.

Туу-тики не ответила. Она подползла к снежному фонарю и вытащила оттуда свою свечку.

– Возьмем ее домой, – сказала она. – А не то явится Морра и сядет на нее.

Муми-тролль серьезно кивнул в ответ. Он видел Морру всего один-единственный раз в жизни. Это было давным-давно, августовской ночью. Холодная как лед, вся серая, Морра сидела в тени кустов сирени и смотрела на них. И как смотрела! А когда она скрылась, то оказалось, что на том месте, где она сидела, замерзла земля.

На какой-то миг Муми-тролль призадумался: может, и зима наступила оттого, что десять тысяч морр уселись на землю. Но он решил поговорить об этом с Туу-тики, когда познакомится с ней поближе.

Пока они спускались по склону горы, в долине стало светлее, и Муми-тролль понял, что взошла луна.

Туу-тики повернула на запад и пошла напрямик через фруктовый сад.

– Здесь раньше росли яблоки, – заметил общительный Муми-тролль, глядя на голые деревья.

– А теперь здесь растет снег, – равнодушно ответила Туу-тики и пошла дальше.

Они спустились к морю – сплошной черной пелене мрака – и осторожно вышли на узкие мостки, ведущие к купальне.

– Отсюда я обычно ныряю в воду, – тихонько прошептал Муми-тролль и посмотрел на прошлогодние желтые сломанные камышины, торчавшие из-под льда. – Вода была очень теплая, и я всегда делал по девять заплывов под водой.

Туу-тики открыла дверь купальни. Войдя туда, она поставила свечу на круглый столик, который папа Муми-тролля давным-давно выловил в море.

В восьмиугольной семейной купальне муми-троллей ничего не изменилось. Пожелтевшие веники на дощатых стенках, окошки с мелкими зелеными и красными стекольцами, узкие скамейки и шкаф для купальных халатов, надувной резиновый хемуль, которого никогда не удавалось как следует надуть.

Все было таким же, как летом. И все-таки купальня как-то таинственно изменилась.

Туу-тики сняла шапочку, которая тут же сама собою влезла на стенку и повисла на гвозде.

– От такой шапочки я бы тоже не отказался, – вздохнул Муми-тролль.

– А тебе шапочка ни к чему, – возразила Туу-тики. – Чтобы согреться, тебе надо помахать ушами, и сразу станет тепло. А вот лапам твоим – холодно.

И тут вдруг, откуда ни возьмись, на полу появилась пара шерстяных чулок, которые важно легли у ног Муми-тролля.

Одновременно в трехногой железной печурке, стоявшей немного поодаль, зажегся огонь и кто-то под столом начал осторожно играть на флейте.

– Они стесняются, – объяснила Туу-тики. – Поэтому и играют под столом.

– А почему они не показываются? – спросил Мумитролль.

– Они так застенчивы, что стали невидимками, – ответила Туу-тики. – Это восемь совсем маленьких мышек-землероек, которые живут вместе со мной в купальне.

– Эта купальня папина, – заявил Муми-тролль.

Туу-тики серьезно взглянула на него.

– Может, ты и прав, а может, и нет, – сказала она. – Летом она папина, зимой – Туу-тикина.

Котелок, стоявший на печурке, закипел. Крышка сама собой поднялась, а ложка начала помешивать суп. Другая ложечка высыпала в котелок немного соли и аккуратно вернулась на подоконник.

Близилась ночь, и мороз крепчал, а лунный свет заглядывал во все зеленые и красные стекольца.

– Расскажи мне про снег, – попросил Муми-тролль и уселся в выгоревший на солнце папин шезлонг. – Я не понимаю, что это такое.

– Я тоже, – ответила Туу-тики. – Думаешь, он холодный, а если вылепить из него снежный домик, там становится тепло. Он кажется белым, но иногда он розовый, иногда – голубой. Он может быть мягче всего на свете, а может быть тверже камня. О нем ничего нельзя знать наверняка.

Вдруг, откуда ни возьмись, плавно прилетела по воздуху тарелка ухи и встала прямо под носом Мумитролля.

– Где твои мышки научились летать? – спросил он.

– Не важно, – ответила Туу-тики. – Нельзя же обо всем расспрашивать этот народец. Может, мышкам не хочется открывать свои тайны. Не твоя это печаль, да и о снеге тоже не беспокойся.

Прихлебывая из тарелки уху и глядя на угловой шкаф, Муми-тролль подумал о том, как приятно, оказывается, знать, что твой собственный старый купальный халатик висит в этом шкафу. И что среди всего нового и тревожного есть что-то надежное и привычное. Муми-тролль помнил, что его купальный халатик – голубой, что на нем оторвана вешалка и что в одном кармане, возможно, лежат солнечные очки. В конце концов он произнес:

– Мы храним здесь наши купальные халаты. Мамин халат висит в самой глубине шкафа.

Туу-тики протянула лапку и поймала прилетевший по воздуху бутерброд.

– Спасибо, – поблагодарила она мышек-невидимок и попросила Муми-тролля: – Только никогда не открывай этот шкаф. Обещай мне никогда его не открывать.

– Не буду я ничего обещать, – угрюмо ответил Муми-тролль, глядя в свою тарелку.

Ему вдруг показалось, что самое главное в мире – это открыть дверцу шкафа и посмотреть, висит ли там на месте купальный халатик. Огонь в печурке так разгорелся, что в трубе зашумело. В купальне стало совсем тепло, а под столом флейта продолжала наигрывать свою сиротливую мелодию.

Невидимые лапки убрали со стола опустевшие тарелки. В море стеарина утонул фитилек свечи, и она погасла. И теперь в купальне светился лишь красный глазок печурки да на полу – узор из зеленых и красных стеклышек, нарисованных лучами лунного света.

– Я собираюсь ночевать сегодня дома, – строго сказал Муми-тролль.

– Правильно! – одобрила Туу-тики. – Луна еще не зашла, так что ты, наверно, найдешь дорогу.

Дверь распахнулась сама собой, и Муми-тролль ступил в снег.

– А все-таки, – сказал он, – все-таки мой голубой купальный халатик висит в этом шкафу. Спасибо за уху.

Дверь снова закрылась, и Муми-тролль остался наедине с лунным светом да тишиной.

Он быстро глянул на замерзшее, обледеневшее море, и ему показалось, что где-то далеко на горизонте маячит огромная неуклюжая Морра.

Он увидел, как она ждет среди прибрежных валунов. А когда он шел лесом, ее тень упорно пряталась за каждым деревом. То была та самая Морра, которая могла сесть на все свечи в мире и заставить померкнуть все краски.

Наконец Муми-тролль пришел в свой спящий дом. Он медленно влез на огромный сугроб с северной стороны и подобрался к слуховому окошку на крыше, окошко все еще было приотворено.

Воздух в доме был теплый, там пахло муми-троллями, и от шагов Муми-тролля звякнула, приветствуя его, хрустальная люстра. Муми-тролль взял свой матрац и положил его рядом с маминой кроватью. Тихонько вздохнув, она что-то пробормотала во сне. А что – он так и не понял. Затем, тихонько рассмеявшись, она перекатилась поближе к стене.

"Я не принадлежу больше к тем, кто спит, – подумал Муми-тролль. – А к тем, кто не спит, – тоже. Я не знаю, что значит проснуться и что такое – спать".

И он тут же мгновенно заснул, и сирень, что цветет летом, укрыла его своей ласковой зеленой тенью.

Малышка Мю лежала в своем рваном спальном мешке и злилась. К вечеру подул сильный ветер, и он задувал прямо в пещеру. Мокрая картонная коробка лопнула в трех местах, а клочья шерсти, выдранные из спального мешка, беспорядочно летали по всей пещере из угла в угол.

– Привет, старушенция! – закричала малышка Мю и толкнула в спину свою сестрицу Мюмлу. Но Мюмла продолжала спать, она даже не шевельнулась.

– Ну, я начинаю по-настоящему злиться, – сказала малышка Мю. – Один раз в жизни понадобилась сестра, и вот на тебе пожалуйста!

Она отшвырнула пинком спальный мешок. Потом подползла к входному отверстию пещеры и с явным восхищением выглянула в холодный мрак.

– Вот я вам всем сейчас покажу, – угрюмо пробормотала малышка Мю и заскользила вниз с горы.

Здесь было гораздо пустыней, чем на краю света (если, конечно, кому-нибудь довелось побывать так далеко). А снег разметало по льду большими серыми волнами. И еще прежде чем зашла луна, побережье исчезло во мраке.

– А теперь поехали! – сказала малышка Мю.

Ее юбки заколыхались на резком северном ветру. Она покатила среди снежных сугробов, туда-сюда, растопырив лапки и удерживая

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

надежное равновесие, которое необходимо, если ты настоящая Мю.

Свеча в купальне уже давным-давно погасла, и, проезжая мимо, малышка Мю увидела лишь очертания остроконечной крыши на глади неба. "Это наша старая купальня", – подумала Мю и вдохнула резкий и опасный запах зимы. Она остановилась у края берега и прислушалась. В глубине Пустынных гор, невероятно далеко отсюда, завывали волки.

– Выходит, дело нешуточное! – пробормотала малышка Мю и ухмыльнулась в темноте.

Ее чутье подсказало ей, что где-то здесь – дорога в Муми-дол и к дому, где есть теплые одеяла, а может, даже и новый спальный мешок. И она побежала между деревьями напрямик по берегу к дому.

Она была такая маленькая, что ее ножки совсем не оставляли следов на снегу.